

С. М. Соловьев

О ВМѢНЕНИИ

ПО НАЧАЛАМЪ

ТЕОРИИ И ДРЕВНЯГО РУССКАГО ПРАВА.

РАЗСУЖДЕНИЕ

Н. ВЛАСЬЕВА.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1860.

счит

О ВМѢНЕНИИ

ПО НАЧАЛАМЪ

ТЕОРИИ И ДРЕВНЯГО РУССКАГО ПРАВА.

РАЗСУЖДЕНІИ

Н. ВЛАСЬЕВА.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1860.

По опредѣленію Юридическаго Факультета печатать дозволяется.
Москва. Ноября 19-го дня 1860 г.

*Деканъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и
Кавалеръ С. Баршевъ.*

Предлагая въ настоящемъ сочиненіи изслѣдованіе одной изъ сторонъ юридической жизни древней Руси въ той формѣ, въ которой она опредѣлилась въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича, мы считаемъ не безполезнымъ сказать предварительно нѣсколько словъ въ объясненіе порядка и послѣдовательности нашего изслѣдованія.

Предварительныя замѣчанія эти относятся во первыхъ къ разсматриваемому памятнику, во вторыхъ, къ той сторонѣ юридической жизни, которая составляетъ собственно предметъ изслѣдованія.

Доказывать важность значенія Уложенія въ юридической нашей жизни, было бы въ настоящее время дѣломъ излишнимъ. Сама наша юридическая жизнь постановила о немъ въ этомъ отношеніи приговоръ, который не терпитъ возраженія.

Все, что по времени восходитъ далѣе Уложенія, имѣть для насъ въ настоящее время значеніе только историческое, научное. За однимъ Уложеніемъ признается качество источника дѣйствующаго, практическаго права.

На этомъ основаніи мы считаемъ себя въ правѣ установить первый общій взглядъ на Уложеніе какъ на связь между двумя періодами исторіи нашего права. Оно за-

ключаетъ въ себѣ тотъ юридическій матеріалъ, который былъ добытъ предшествовавшей ему русскою жизнью, и который, собранный и уложенный, послужилъ прочнымъ основаніемъ дальнѣйшаго развитія этой жизни.

Ближайшее опредѣленіе значенія Уложенія въ исторіи нашего права весьма затруднительно. Доказательствомъ этой трудности и вмѣстѣ той важности, которая признается наукою за Уложеніемъ, служить бѣдность его литературы въ нашей исторіи права.

Вообще исторія права русскаго не представляетъ періода болѣе бѣднаго изслѣдованіями, нежели періодъ, которымъ заключилось развитіе Московскаго Государства. Научное объясненіе русской жизни въ этотъ періодъ началось очень недавно, и то, что мы имѣемъ, не смотря на несомнѣнные достоинства, не можетъ считаться окончательнымъ приобритеніемъ науки. Можно сказать, что изъ результатовъ, добытыхъ трудомъ надъ періодами предшествовавшими, не смотря на относительную скудость извѣстій о нихъ, наукою усвоено гораздо болѣе, нежели относительно періода, къ которому принадлежитъ Уложеніе. Наука какъ бы руководилась естественнымъ порядкомъ въ своемъ движеніи: самая богатая литература упадаетъ на долю древнѣйшаго періода.

Замѣчаніе о цѣломъ періодѣ относится въ равной мѣрѣ и къ Уложенію. Въ своей полнотѣ оно было предметомъ весьма немногихъ изслѣдованій. Изслѣдованія эти только начали дѣло, хотя и съ значительнымъ успѣхомъ. Сюда относимъ мы во первыхъ «Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія 1649 года». В. Строева, и во вторыхъ рѣчь «объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи» О. П. О. Морошкина. Несмотря, однако на то, что этимъ послѣднимъ сочиненіемъ положено твердое основа-

ніе пониманію памятника, и указанъ для этого вѣрный путь, объясненіе Уложенія въ его цѣлости не имѣло продолжателей. Такую остановку должно признать успѣхомъ въ его изученіи, такъ какъ въ то же время отдѣльныя стороны его дѣлаются предметомъ изслѣдованій, изъ которыхъ за многими признано капитальное достоинство. Мы не останавливаемся на нихъ: лучшія имѣютъ въ виду преимущественно гражданскую сторону, главнымъ образомъ процессъ гражданскій. Требования отъ изслѣдователя возрастаютъ быстро, частныя изслѣдованія вскрываютъ болѣе и болѣе богатство содержанія памятника, съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшается возможность принятія съ надеждой на успѣхъ за объясненіе его въ цѣлости. Вспомнимъ притомъ, что такое объясненіе было бы въ то же время объясненіемъ важнѣйшаго періода въ исторіи нашего права и жизни, между тѣмъ какъ наука не пережила еще возможности противоположныхъ въ основаніи воззрѣній на эту жизнь.

Имѣя въ виду исторію русскаго права какъ послѣдовательное осуществленіи идеи права въ жизни русскаго народа, на основаніи того, что изъ этой исторіи уже усвоено наукой, мы въ правѣ приписать ей не только самостоятельное значеніе въ прошедшемъ исторіи права человѣческаго, но и богатое развитіе въ будущемъ.

Медленное, но непрерывное, вѣковое движеніе исторіи права въ прошедшемъ заставляетъ предполагать въ будущемъ періодъ богатаго и многосторонняго развитія. Сила кризисовъ, которые были вызываемы движеніемъ этой исторіи и устойчивость, съ которою эти кризисы были переживаемы и осиливаемы, заставляютъ предполагать, что русское право въ дальнѣйшемъ, болѣе спокойномъ развитіи присоединитъ своеобразность къ бо-

гатству, и раскрывъ все свое содержаніе, станеть на степень права всемірно-историческаго.

Сообразно съ этимъ, исторіи права, въ смыслѣ науки, принадлежить таже самостоятельная и богатая будущность, тѣмъ болѣе, что право наше уже вступило въ ту эпоху своего развитія, въ которой наука становится главнымъ его двигателемъ.

Но это важное значеніе науки нашего права влечеть за собою великія трудности въ настоящемъ.

Вся предшествующая исторія права принадлежить непосредственно намъ, ибо на великомъ пространствѣ нашей Россіи, съ тѣхъ поръ какъ зародилась на немъ жизнь историческая, живетъ и дѣйствуетъ одинъ и тотъ же великій Русскій народъ. Много онъ пережилъ на своемъ вѣку, но въ теченіи этого тысячелѣтнаго вѣка остался въ сущности однимъ народомъ. Это единство свое во времени было всегда живо чувствуемо Русскимъ народомъ, и нынѣ, когда для него наступила пора сознательнаго бытія, оно неудержимо стремится перейти въ разумное сознаніе путемъ науки. Но если результатъ этого стремленія, возведеніе науки на степень дѣйствительно народнаго сознанія, открываетъ ей богатую будущность — то въ настоящее время, въ которомъ наука еще далека отъ этой цѣли, она должна быть мало способною къ окончательнымъ выводамъ; за то въ настоящее время она приготовляетъ возможность такихъ выводовъ, возможность догматическаго, установившагося содержанія для будущаго времени. Обращая вниманіе на ходъ нашей недавней науки права, мы найдемъ тому подтвержденіе. По мѣрѣ того какъ народная жизнь получаетъ болѣе просторъ, связь ея съ наукою увеличивается. Каждый шагъ въ приобрѣтеніи этого простора

отражается въ наукѣ, вызываетъ въ ней новое усиліе. За каждымъ усиліемъ падаетъ то или другое заблужденіе, закрывавшее отъ современнаго человѣка прошедшую жизнь, уясняется въ сознаніи солидарность настоящаго съ прошедшимъ и единство русскаго народа во времени.

Если наука, двигаясь къ тому, чтобы стать народнымъ сознаніемъ, приобретаетъ все большее значеніе въ жизни народа, если при этомъ она утверждаетъ живую связь прошедшаго съ настоящимъ — то въ тоже время необходимо въ ней и обратное направленіе. Исслѣдователь теряетъ свободу духа необходимую для того, чтобы относиться совершенно свободно къ явленіямъ прошедшимъ, и заносить въ изслѣдованіе элементы настоящаго. Какъ уже замѣчено, такое состояніе, мало способное къ окончательнымъ выводамъ, сильнѣйшимъ образомъ содѣйствуетъ ихъ возможности въ будущемъ, побуждая живостью современнаго интереса къ упорному труду и обуславливая явленія разностороннихъ взглядовъ.

Такое состояніе есть необходимое послѣдствіе усвоенія наукою значенія органа въ жизни народной, и не составляетъ особенности нашей науки. Но къ этой причинѣ общей, присоединяется еще условіе, которое составляетъ дѣйствительную особенность нашей науки, ибо есть послѣдствіе явленій, принадлежащихъ только нашей прошедшей жизни. Вслѣдствіе особенности въ развитіи русской жизни, доселѣ не объясненной удовлетворительно наукой, переходъ русской исторіи изъ періода Московскаго въ новый получилъ характеръ сильнѣйшаго кризиса, потрясенія народнаго быта въ его тлубочайшихъ основаніяхъ. Мы не будемъ входить въ подробности опредѣленія значенія этого переворота, тѣмъ болѣе, что, какъ замѣчено выше, наука современная не представляетъ въ этомъ отношеніи положительнаго ре-

зультата. Необходимость выхода исторіи нашей изъ періода Московскаго наукою доказана; но этого далеко недостаточно, ибо извѣстно такъ же, что признаки наступленія новой эпохи являются задолго до такъ называемой реформы.

Можетъ быть только теперь наступаетъ время правильной оцѣнки великаго событія, ибо только теперь замѣчаемъ признаки того, что періодъ, характеръ котораго обусловленъ имъ, приходитъ къ заключенію. Доказательствомъ тому можетъ служить скудость нашихъ свѣдѣній объ немъ, ограниченныхъ одною только внѣшнею его исторіею, не смотря на то, что мы сами еще продолжаемъ его, и только теперь наступаетъ возможность внутренней его исторіи.

Признавая, до времени а priori, переворотъ этотъ вызваннымъ внутреннею потребностью народноі жизни, хотя еще и не уясненной наукой, мы не можемъ отрицать во внѣшнемъ его явленіи направленія анти-историческаго. По своей крайней энергіи онъ успѣлъ произвести въ жизни государственной, и въ тѣхъ сторонахъ жизни общественной, которыя находятся подъ преимущественнымъ опредѣленіемъ государства, дѣйствительный разрывъ съ прошедшимъ. Въ тѣхъ сферахъ, которыя были подъ непосредственнымъ вліяніемъ реформы, отрицаніе прошлаго стало главною характеристикою, и оставалось ею до тѣхъ поръ, пока энергія этого отрицанія была необходимымъ условіемъ охраненія положительнаго содержанія, внесеннаго переворотомъ въ жизнь народа, содержанія, которое, можетъ быть по слишкомъ личному способу внесенія, дѣйствительно нуждалось въ продолжительномъ времени для того, чтобы быть усвоеннымъ народною жизнью.

Такимъ образомъ и наука, вызванная къ новой жизни

государствомъ, и вращавшаяся преимущественно въ сферѣ этимъ государствомъ организованной, является преимущественно какъ нѣчто заимствованное извнѣ, безъ преданій и безъ исторіи, слѣдовательно лишенная возможности понимать, даже долго не сознающая необходимости сознать явленія прошлой жизни. Мы уже сказали, что отрицательное направленіе, если и можетъ быть признано, то только условно. Время незамедлило обнаружить, что исторіи не должно забывать, ближайшимъ образомъ потому, что это невозможно для народа, которому суждено жить историческою жизнью. По мѣрѣ того какъ жизненные элементы, внесенные переворотомъ, усвоились жизнью народною, послѣдствія анти-историческаго направленія этого переворота слабѣли, раздвоеніе внесенное имъ въ жизнь народную замирялось: вмѣстѣ съ этими успѣхами народной жизни, наука, чтобы имѣть будущность, должна была перейти отъ служенія внѣшнимъ цѣлямъ общественнымъ къ своему истинному назначенію — быть органомъ народного сознанія. Но когда наука, согласно этому, обратилась къ сознанію прошедшей жизни народа, когда явилась, не только внутренняя для нея необходимость, но и чисто практическая потребность перейти отъ внѣшней исторіи къ внутренней, ей пришлось бороться съ трудностями совершенно особеннаго рода. Ближайшее прошедшее оказалось для науки едва доступнымъ; — замѣчаніе о томъ, что наша исторія становится для насъ менѣе извѣстною по мѣрѣ приближенія къ намъ, какъ ни странно, не лишено истиннаго основанія. Нельзя оспорить того, что XVII столѣтіе, ближайшее изъ нашей старой жизни, едва имѣетъ внѣшнюю исторію, и только въ послѣднее время начинаетъ разрабатываться научнымъ образомъ.

Отсюда особенное, и притомъ весьма невыгодное, по-

положеніе изслѣдователя въ области русскаго права. Внутреннее убѣжденіе и внѣшній опытъ утверждаютъ въ немъ сознаніе что къ какому бы времени онъ ни обратился въ прошедшемъ, онъ имѣетъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же народомъ, что во всемъ этомъ прошедшемъ живетъ одинъ духъ, который оживляетъ народъ и въ настоящее время: между тѣмъ при своихъ изысканіяхъ онъ нерѣдко относится къ изслѣдуемой эпохѣ какъ къ отжившей и чуждой. Его положеніе скорѣе напоминаетъ положеніе изслѣдователя въ области классической древности, далеко уступая послѣднему въ богатствѣ средствъ, нежели положеніе изслѣдователя исторіи народа живаго. Исходную точку пониманія онъ не получаетъ готовою, но долженъ созидать ее предварительно путемъ историческихъ, не рѣдко антикварныхъ изысканій въ скудныхъ письменныхъ памятникахъ. Оттого едва ли онъ можетъ имѣть живое, непосредственное сознаніе, что точка его отпращивленія истинна.

Единственный путь въ изслѣдованіи — поступленіе отъ извѣстнаго къ искомому. Что признать этимъ извѣстнымъ въ области исторіи русскаго права? Писменные памятники, буква и грамматическій смыслъ ихъ могутъ быть возведены на степень этого извѣстнаго критикой, и приняты во внѣшней исторіи. Но когда надобно воскресить духъ памятника, уразумѣть жизненный смыслъ его, буквы и грамматическаго смысла мало: они не могутъ быть единственными руководителями, ибо объясненіе ихъ составляетъ искомое. Величайшимъ пособіемъ является здѣсь настоящее время, вмѣстѣ съ ближайшимъ прошедшимъ, съ которымъ оно еще связано непосредственною причинностью. Настоящее юридическое состояніе знаемъ мы не по одной буквѣ. Юридическій и политическій быть свой, тотъ правомѣрный порядокъ, въ которомъ

мы живемъ и дѣйствуемъ, для насъ не книга законовъ, но живой организмъ, котораго мы живые члены. Его духъ, его смыслъ есть нашъ смыслъ. Съ нимъ мы находимся въ непосредственной связи, и чувствуемъ себя свободными среди его, сели онъ развился по тѣмъ же историческимъ законамъ, подъ тѣми же условіями, подъ которыми сложилась и развилась наша настоящая личность, и обратно тяготимся, если встрѣчаемъ въ немъ что либо органически съ нами не связанное. Вотъ та опора, точка отправленія несомнѣнная, которая необходима для изслѣдователя, то извѣстное, отъ котораго онъ отправляется, и которое, если онъ дѣйствительно имъ владѣть, не оставляетъ его и въ прошедшемъ пока онъ остается въ однородной съ настоящимъ сферѣ. Это извѣстное не есть въ такомъ случаѣ субъективное его мнѣніе, но субъективное сознаніе всего общественнаго организма, слѣдовательно дѣйствительно вѣрное, пока изысканіе остается историческимъ: оно не есть плодъ буквы, а потому и не зависитъ отъ утраты буквы или искаженія грамматическаго смысла. Отправляясь отъ этого извѣстнаго, онъ владѣть вѣрнымъ руководителемъ, писменные памятники перестаютъ быть для него мертвыми. Переходя отъ ближайшихъ по времени къ болѣе отдаленнымъ, онъ имѣетъ возможность вѣрно направлять всѣ свои научныя средства. Такимъ образомъ отодвигаются постепенно предѣлы неизвѣстнаго, пока не встрѣтится историческій переломъ въ жизни народа, или періодъ зарожденія его исторической жизни. Чѣмъ яснѣе и живѣе пониманіе настоящаго, тѣмъ вѣрнѣе путь историческаго изысканія. Всѣ явленія прошедшаго, находящагося въ прямой послѣдовательной связи съ настоящимъ, имѣющія, слѣдственно, существенный интересъ для исторіи, постепенно уясняются, и складывается догма

исторіи, причемъ значительная масса этой догмы нарастаетъ даже безъ имени вкладчиковъ.

Иное отношеніе къ своему предмету изслѣдователя русскаго права. Поступательное движеніе въ глубь исторіи принесетъ ему мало пользы: за первыми шагами въ этомъ направленіи онъ встрѣтитъ явленія первой важности, передъ которыми долженъ будетъ остановиться въ недоумѣніи, гдѣ найти истинное пониманіе, гдѣ искать ихъ связи съ прошедшимъ, которое они затмѣваютъ, и даже нерѣдко съ послѣдующимъ. Юридическій бытъ XVIII столѣтія составляетъ не только область доселѣ не изслѣдованную, но и не могущую быть понятой безъ предварительнаго объясненія быта XVII вѣка, между тѣмъ XVIII вѣкъ изобилуетъ памятниками, и очень близокъ нашему времени. Объяснить памятники не трудно: объяснить бытъ безъ объясненія быта предшествовавшаго вѣка — невозможно. Педаромъ наука и не представляетъ доселѣ ничего въ этомъ отношеніи, довольствуясь только исторіей памятниковъ. При вступленіи въ XVII столѣтіе, передъ изслѣдователемъ теряется даже внѣшняя преемственность формъ юридическихъ, и жизнь, въ которую онъ переносится, имѣетъ очень мало общаго съ тою, среди которой выработалось его собственное сознаніе. Онъ долженъ историческими изысканіями создать себѣ точку отправленія, не имѣя ничего къ облегченію этого труда. Не говоря о противорѣчіяхъ, съ которыми онъ встрѣчается въ дошедшихъ до него памятникахъ, и которыя суть неминуемое слѣдствіе ихъ отрывочности, онъ начинаетъ чувствовать недостатокъ въ самыхъ памятникахъ. Между тѣмъ, когда идетъ дѣло о возстановленіи смысла отжитой эпохи по мертвой буквѣ, памятниковъ не можетъ быть слишкомъ много. Съ этимъ состояніемъ трудно бороться и несомнѣнному

дарованію, підкрѣпляемому добросовѣстнымъ трудомъ; історія русскаго права представляєть тому не одинъ примѣръ: можно сказати що вся она єсть тому великій примѣръ.

Оттого вліяніє сучаснихъ інтересівъ на изслѣдованія історическія не тільки не єсть затрудненіє въ наукѣ, но, навпаки, єдинственный путь къ єї движенію. Таке вліяніє єсть доказательство того, що дійствительная народная жизнь поступенно, поки єще своїми особливими сторонами, входить въ науку и починаєть єю сознаватися. Такъ какъ всяке изслѣдованіє єсть дѣло науки, наука же не мыслима безъ системи, то мы должны признати явленіємъ совершенно законнымъ перенесеніє въ наші історическія изысканія системъ и воззрѣній уже готовихъ, хотя выработанныхъ по явленіямъ быта намъ чуждаго.

Сказанное находить, какъ намъ кажется, подтвержденіє въ історіі нашої науки. Только частію по ви́шнімъ причинамъ наука не двигалась отъ сучасности въ глѣбь історіі. Первый періодъ нашої історіі долго преимущественно занималъ ученыхъ, и не безъ внутренней причины. Історія начала Руси сливается съ общєю сучасною єї історією и при маломъ значеніи, которое приписывалось собственно русской жизни, данныя общєісторическія, свидѣтельства иноземныя, могли служить искомой твердой точкой отправления для изслѣдователей.

Безъ всякаго сомнѣнія, состояніє которое мы указываемъ временное: ключъ къ уразумѣнію того, что въ настоящее время не поддается самому добросовѣстному труду найдется. Сущєствующая въ глѣбинѣхъ народнаго духа, но утраченная въ сознаніи цѣлость на-